

# Максим ЧЕРНЯЕВ

## ТРОСТНИКИ

### РЕКА

Мальчик сидит у реки. Хрупок. Невинен. Слаб.  
Солнце плывёт в зенит. Солнце – зеркальный карп.  
Карп шевелит траву. Тихо шуршит тростник.  
Мальчик срезает стебель и пробует на язык.  
Выдох сменяет вдох, выдох рождает звук.  
Звук оживил свирель. Свирель в колыбели рук.  
Солнце нырнёт в закат (гладит свирель рука).  
Лунный нисходит бык в ночь серебрить рога.  
Мальчик един с рекой: хрупок, невинен, слаб.  
Лодку несёт река.  
В лодке недвижим враг.

### ТРОСТНИК

Шуми, тростник, над вечною рекой.  
В небесной тверди трепетной струной  
Звени, тростник, и внемли небесам.  
Шуми и пой. К пологим берегам  
Сойдут с холмов к реке на водопой  
Пугливый зверь, стада, народ степной.  
Ты будешь брошен к варварским кострам...  
Доверь себя мальчишеским рукам,  
Чтоб воплотиться в музыке.  
Весной.  
Когда холмы насытятся водой.

### СВИРЕЛЬ

Настало время уходить, веслом толкнув причал.  
В речной долине скорбный зов свирелью прозвучал.  
И ветер стих, и свет померк, ты снова юн и слаб,  
Как в детстве: отмель, тростники, река, зеркальный карп

Тебе напомним лунный свет, что время истекло,  
Судьба твоя – вода в реке, уплывшее весло.  
И проплывут перед тобой сквозь утренний туман  
Холмы, где жили степняки, отсыпанный курган,  
Застынет вдох, померкнет свет, подкатит к горлу ком,  
Ты станешь звёздами, рекой, свирелью...  
Тростником.

## ТАБУРЕТ

Ранним утром, жарким летом  
солнце плавилось в рассвет  
Шёл по улице мужчина,  
нёс из дерева предмет.

Не верстак, не Буратино,  
не столярный инструмент, –  
самодельный из берёзы  
белой краски табурет.

Не сказать чтоб гладко выбрит  
и по-летнему одет;  
шёл куда-то мерным шагом  
не блондин и не брюнет.

Где-то делали ребёнка.  
Где-то жарили омлет.  
Шёл по улице мужчина,  
с виду – полных сорок лет.

Не Эль Греко, не Сенека,  
не варяг, не печенег, –  
так, мужчина как мужчина,  
современный, имярек.

За углом бухтела стройка,  
чах в аллеях бересклет...  
Людям было безразлично  
много зим и много лет.

Нет в истории морали,  
да и смысла тоже нет.  
Всё, что было у женщины, –  
самодельный табурет.

## АЛЛЮЗИИ

Понедельник. Четвёртое. Утро.  
Чашка чая на белом столе.  
Я готов изложить поминутно,  
а затем на оконном стекле  
зафиксировать образы знаний,  
позабывший когда-то словарь...

Силуэты невидимых зданий,  
бесконечно-дождливая даль.  
Нежность рук.  
Воспалённые губы.  
Выдох ветра – круги по воде.  
Я один из немногих и многих,  
переживших любовь на Земле.

Понедельник четвёртого.  
Утро.  
Запотевший оконный хрусталь;  
по стеклу – вертикальные шрамы...  
Переулок.  
Аптека.  
Фонарь.

## ПРОШЛОЕ

Сорока сорок вопреки  
бел, но не белее песка.  
Тонкой полосой у реки  
завтра зарекалась рука.  
Розов/бел небес окоём  
(ты поди, послушай меня)  
прошлое тире водоём,  
всяких разных рыб чешуя.  
Прошлое – то память, то сны...  
Новое пишу набело;  
Чайки замолчат до весны.  
Ваш.  
...но поутру рассвело.

**БР...**

Слова по осени кончаются на «бр...».

Листва опала. Тонок календарь.

Прохладен день. Каникулы. Букварь

заброшен. Во дворе вратарь –

мальчишка, сорванец и кибальчиш,

отбил пенальти.

«Молодцом! « – кричишь.

12 : 8,

далее

темно.

Глазком фасетки вспыхнуло окно.

Одно, второе... В сотни киловатт...

На фоне нетускнеющих пляяд

продрогший город сонно-насеком.

Голкипер по квартире босиком:

– Мам, шорты где? Мам, я хочу котлет!

Плеяды вздрогнут. Роем сигарет

зевакам просигналят: по домам.

(Тепло окурков перешло рукам.)

Балкон не отпускает.

Ты – стоишь.

Глокает сумрак силуэты крыш.

Молочный путь, что снег,

летит на плечи,

–и город вечен.